

ЧИСТОТА ЧУВСТВА И ПРАВДА ИЗОБРАЖЕНИЯ

В мае исполнилось 85 лет одному из старейших воронежских поэтов Михаилу Каменецкому. Его талант не суетлив, основателен и художественно честен. Он не следует за веяниями времени, но всегда опирается на прожитое и увиденное, на пережитое — и должное. То должное, которое характеризует автора как человека чести и певца правды.

Его стихи о войне, многие из которых написаны в прошлые десятилетия, поражают достоверностью изображения и безукоризненной чистотой чувства. В прежние годы они казались одними из многих лирических произведений на эту тему, не особенно выделяясь из общего ряда. Но сегодня, когда память и забвение вступили как будто в последнюю решающую схватку, час этих строк не только наступил, но и обозначился как главный для их понимания, как самый важный для потерявшегося русского человека наших дней.

Осязательность и психологическая точность образов Михаила Каменецкого есть свидетельство подлинной поэзии: она не вязнет в потоке мелочей, интонационно и образно подчеркивает сверхзадачу, не выдвигая «эго» автора на первый план в качестве наиболее яркой приметы стихотворного сюжета. Последнее — из числа литературных повадок постмодернистского сочинителя.

Читая эти стихи, погружаешься в уже давнюю реальность. Она оживает и властно требует от тебя соответствия тем испытаниям, которые судьба уготовила родной земле. В словах поэта не найти лукавства и умолчания, желания сказать так — а поступить иначе. Искренность стихотворений Каменецкого несомненна, но очевиден и художественный дар, позволяющий ему находить единственно верные слова и ракурсы событий. Его лирическое письмо обладает признаками классичности, когда погружение автора в глубины сюжета избегает наглядных штрихов и броских подробностей происходящего, но проникает в сокровенное, потаенное сердечное пространство человека.

Стихотворения Михаила Каменецкого напоминают нам: русская поэзия жива и плодотворна, а современный человек, хоть и замороченный ложью и низкими истинами, все-таки способен любить и жалеть, различать добро и зло и совершать поступки, за которые ему не будет стыдно перед дедами и отцами.

Дмитрий СЛАВИН

* * *

Пристань далекого детства —
милый родной городок.
Там во дворе по соседству
девичий плыл голосок.
К тем несмолкающим звукам
ты, моя память, причаль...
«Желтая роза — разлука,
белая роза — печаль».
Жаркое лето в начале,
что обернулося вдруг
летом великих печалей,
летом жестоких разлук.
Жизни суровой наука...
Истине не прекословь:
«Желтая роза — разлука,
красная роза — любовь».
Нет здесь веселию места,
дни сиротливо тихи...
Не возвратились к невестам
с прошлой войны женихи.
И в одиночестве — мука
юной поры пастораль:
«Желтая роза — разлука,
белая роза — печаль».

КАРТОШКА

И сказал я жене:
— Отложи черпаки-поварешки
и в литом чугуне
навари нам в мундирах картошки.
Принеси его в срок,
будто снят с догорающих былок.

И свершится зарок...
Не давай ни тарелок, ни вилок,
ни масленки не ставь,
не клади нам ни хлеба, ни соли...
Снова прошлое — въявь:
чугунок, словно холм в чистом поле.
Сядьте, дочки мои
и жена моя. Вечером ранним
всех, от голода павших
на прошлой войне, мы помянем.
По картошке возьмем,
что не сдобрена маслом и солью,
будто в детстве моем...
И откликнется день старой болью...
В том бараке сыром,
где во рту двое суток — ни крошки,
мы хватали ее,
обжигая нутро и ладошки.
И последней со дна
мать со всеми делилась устало...
Что ж ты плачешь, жена?
Ты ведь этой войны не застала...

ВОСПОМИНАНИЕ О КИНО

Я помню фильм про Сталинград.
Разрывов грохот... И воронки...
С войны солдат — побывке рад —
спал на коленях у девчонки.
Быть может, в первый раз сполна
спал — не тревожным сном привала
в промерзшем зале, где война
его огнем не доставала.
Любовью верною храним!
Давно картина отгремела.
Склонилась девушка над ним...
И все будить его — не смела.

ФРОНТОВЫЕ ПЕСНИ

На рынке меж торговых точек
перед толпою пострелят
солдат про синий пел платочек,
про пули, что в степи свистят,
про смерть, что ходит рядом где-то,
вгрызаясь в белые снега
и что бойцу до смерти этой
четыре лишь всего шага...
В поселке с титулом районным,
где тыловое шло житье,

нам, голодухой изнуренным,
не дальше было до нее.
Но каждой песни той военной
нас волновал напев святой...
И вся гармония вселенной
жила в гармонике простой.

ОБМАН

За яблоко избили пацана
Мешочники с воловьими глазами
в голодный год, когда была война.
В детдоме с Колькой были мы друзьями.
И на кровати спали с ним одной,
ногами врозь, как говорят «валетом».
Лишь деревянный столбик со звездой
остался на земле тем жарким летом.
А с фронта письма присылал отец...
Своей жестокой не открыв печали,
собрал тепло мальчишеских сердец,
солдату мы за Кольку отвечали.
В обмане том не чувствуя вины,
в своей мы не раскаялись затее...
За сыном не приехал он с войны.
Пришло письмо: погиб в боях на Шпрее.

БЫЛЬ

Шел полк, чтоб выполнить заданье,
дорогою, зальделой всклень,
сквозь женское многостраданье
безмужних русских деревень.
Шагал, оставивший любимых
в краях далеких в страдный час,
и нес в глубинах душ незримых
тоски и нежности запас.
В печали слышали глубокой
юнцы, почти что ребятня,
слова девчонки одинокой:
— Солдатик, полюби меня!
О эти вскинутые руки
колонне проходившей вслед.
Тот жест отчаянья и муки
не стерся в веренице бед.
И две слезы в глазах огромных,
как два проклятия войне,
с древнейшей прямою нескромных,
извечных слов — живут во мне.
Но уходили батальоны,
сурово-серые, как дни,

прочь от любви неуголенной
на голос вражеской брони...
С летами многое забылось,
переболело и ушло.
Что притушилось, что простилось,
что искупленье обрело.
Но ту девчонку у дороги
все вижу на закате дня
с мольбою бабьей изнемоги:
— Солдатик, полюби меня!

* * *

Этот с давних лет детдома
запах мне знаком.
Пахло прелюю соломой, конским кизяком,
серой пылью, на проселке севшей на спорыш.
Шумом тополей высоких нарушалась тишь.
Стриженные «под нулевку», мы из-под руки
в степь глядели. В Федоровку
шли фронтовики.
В вылинявших гимнастерках, в пыльных сапогах,
уцелевшие в жестоких, яростных боях.
Шли дорогой с Иловайска, их народ встречал.
И детдомовец наш Васька радостно кричал.
Не забыть мне полных счастья мокрых глаз мальчика.
И сведенные запястья на плечах отца.
Но в степные глядя дали, двое из троих,
понапрасну ожидали мы отцов своих.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Безногий — пополам почти —
солдат, прижат к ларям,
хвалил на рынке лампочки
к трофейным фонарям:
— Лампадки знаменитые!..
Рупь штука, пацаны.
Тем, чьи отцы убитые,
отдам за полцены...
Хвативши самогоночки,
на роликах скользя,
бубнил, съезжая с горочки:
— Нет, братцы, так нельзя...
У старой поликлиники
раздумывал в пыли:
— Весь день — одни полтинники...
Какие там рубли...

Возвратились порохом пропахшие.
 Не вернулись без вести пропавшие
 из Москвы и Нижнего Тагила,
 в безымянных спящие могилах,
 утонувшие во мраке ночью,
 минами разорванные в клочья
 или в танках факелом сгоравшие...
 Не вернулись без вести пропавшие.
 Не запомнила имен История
 тех, что пеплом стали в крематориях.
 И не встретить поименно в святцах
 всех, замученных на апельсплатцах.
 Всенародно чтим и помним павших,
 но обходим без вести пропавших
 из боязни — мост доверья тонок —
 может, он предатель и подонок.
 Только в праведность любимых веря,
 женщины, надежды не теряя,
 ждут, когда уходит, догорая,
 осень и зима роняет перья.
 Ждут глухою ночью, утром ранним
 не пришедших, где-то прахом ставших,
 обойденных славой и вниманьем.
 Ждут родимых, без вести пропавших.
 Вдруг из той безвестности унылой
 доберется в сумке почтальона
 имя, возвращенное могилой
 павшего в атаке батальона.
 И промолвит женщина седая:
 — Вот и отыскался, слава Богу!
 И впервые хату покидая,
 соберется в дальнюю дорогу.

МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ

*Светлой памяти смоленской крестьянки
 Федосьи Андреевны Шершановой,
 матери пятерых сыновей,
 погибших на войне*

Пять свечей задул железный ветер,
 пять сынов от матери унес.
 Где-то далеко на белом свете
 пять на обелисках красных звезд.
 Так и не узнала, где могилы
 на чужой далекой стороне.
 Свой жестокий жребий разделила
 мать со всей Россией наравне.

Сорок лет пять карточек хранила
в хате, как святые образа.
Высохла, как в засуху калина,
выплакала синие глаза.
И ушла, сынов не повидавши,
в зимней предрассветной тишине,
навсегда причисленная к павшим,
к миллионам павших на войне.
Ей ладоней так и не разжали,
что держали снимки сыновей.
Повздыхали.
Забирать не стали
и похоронили вместе с ней.

РОССИИ

С именем твоим целебным
в бездне бед и в море зла
ты была моим молебном
и порукой мне была.
На последней, смертной грани
имя я твое берег
даже в час, когда сознанья
еле брезжил огонек.
Высока и необъятна,
словно совесть и судьба,
ты была всегда понятна,
как отцовская изба.
Оттого не умирает,
освящая бытие,
все что сердцу повторяет
имя светлое твое.

Я НЕ ХОДИЛ НИ РАЗУ В БОЙ...

Я не ходил ни разу в бой,
где лютовала смерть слепая.
Но с детства всей своей судьбой
я к сорок первому припаян.
Забуть ли яростный тогда
вой «мессеров» до иступленья,
когда везли нас поезда
по черным шпалам отступленья.
Мне взрывы не тревожат снов
теперь, когда беда далече.
Но знаю: каждый год сынов
скликает Родина на вече,
кто на своей передовой

погиб, страну прикрыв собою,
в боях под Гжатском и Москвой.
Их жизни прожиты и мною.
Я близко видел тех ребят,
чей подвиг вечно будет с нами.
Они со мною говорят
простыми, честными словами.
И в знак того, когда уйду,
что с ними связан я войною,
красноармейскую звезду
поставьте молча надо мною.